АЛЕКСАНДРЪ ГАНИНЪ

ГОРОДЪ

ПАРИЖЪ
1920

1500-
Р/Ч

Книга отпечатана в количестве 325 нумерованных экземпляров:

25 – на старой китайской бумаге, нумерованных от 1–25

300 – на бумаге Vergé d'Arches нумерованных от 26–325

№ 317

Александръ Рубакинъ

ГОРОДЪ

Стихи

Обложка, иллюстраціи и виньетки
по рисункамъ Н. Гончаровой

Шрифтъ исполненъ авторомъ

Парижъ
1920

Digitized by the Internet Archive
in 2025 with funding from
Getty Research Institute

https://archive.org/details/gorodstikhialeks00ruba

Памяти моей жены

Фанни,

павшей на своем посту

27 января 1918 года

посвящаю эту книгу

1

Городъ.

Городъ грязный и дымный,
Городъ темный и злой,
Для тебя я сложилъ мои гимны,—
Ты, вѣдь, мой! Ты—мой!
Въ этихъ призрачныхъ стѣнахъ,
Въ этихъ стѣнахъ, чей камень такъ сѣръ,
Полюбилъ я химеръ
И мечталъ о сиренахъ.
Петроградъ ли, Москва ли, Парижъ,—
Здѣсь привыкъ я внимать съ колыбели,
Какъ въ полночную тишь
Дуетъ вѣтеръ въ оконныя щели
И скребется въ углу дѣловитая мышь.
Въ этомъ городѣ все мнѣ знакомо:
Я могу отличить при мерцаньи огней
Домъ отъ дома.
Не могу различать лишь людей...
Все машины, машины
Тянутъ сотни своихъ металлическихъ рукъ
И тяжелаго молота стукъ
Сотрясаетъ равнины,
Извергая отравленный дымъ.
Здѣсь восходъ и зловѣщъ и печаленъ.
Солнце блескомъ своимъ
Освѣщаетъ безумье развалинъ.
И кровавыя вспышки огня
Гаснутъ въ стеклахъ оконныхъ,
А на улицахъ сонныхъ
Съ каждымъ днемъ все виднѣй грязь минувшаго дня.

Здѣсь закатъ безнадежекъ.
Солнце медленно гаснетъ въ дыму,
Погружаясь въ безликую тьму,
Словно мечъ въ глубину черныхъ ножекъ.
Незамѣтно блѣднѣетъ востокъ,
Пробѣгаетъ фонарщикъ, невидный и жалкій,
И на кончикѣ палки
У него желтой точкой дрожитъ огонекъ.
Подъ навѣсомъ нахмуренныхъ сводовъ
Золотятся огни
И мелькаютъ за шлифованьемъ режи
Безконечныхъ приводовъ.
Тѣни ночи ползутъ по домамъ,
Проникая сквозь щелкъ закавѣсокъ.
Тѣмъ то блѣдныя лица мелькаютъ при блескѣ

Электрическихъ лампъ.
Кто то тамъ
Продолжаетъ работу...
И хидаютъ огни позолоту
На печальныя лица нахрашенныхъ дамъ.

Городъ грязный и дымный,
Петроградъ ли, Москва ли, Парижъ,-
Ты одинъ мою сказку творишь,
И тебѣ я сложилъ мои гимны!

Жаруѣль.

Ѣнь погасъ надъ ѣолицей.
Сквозь туманъ пробилась полоска зари.
Въ темныхъ улицахъ вспыхнули вдругъ фонари
Золотой вереницей.
И волшебная сила
Ослѣпившихъ ѣолицу огней
Красотой озарила
Изможденныя лица людей.
Въ полумракѣ бываютъ мгновенья,
Что, какъ въ сказкѣ, мѣняетъ міръ.
И тогда
Въ каждомъ сердцѣ тихонько восходитъ звѣзда
Вдохновенья.
Въ ожиданіи радостныхъ словъ,
На порогахъ запачканныхъ лѣстницъ
Старыхъ скучныхъ домовъ
Ждутъ таинственныхъ вѣстницъ
Оболыцительныхъ сновъ.
Сны далеки,
И о нихъ не угаснетъ тоска.
Счастья нѣтъ. А пока
Городъ полонъ веселья, глухой и жестокій.
Въ трепетаньи бенгальскихъ огней,
Въ электрическомъ свѣтѣ,
Толпы взрослыхъ людей
Веселятся, какъ дѣти.
Тамъ гудитъ кекѣтовый хмѣль.
Какъ скала средь равнины,
Тамъ, подъ мѣрные звуки машины,

Надъ толпою царитъ каруселъ,
И, вращаема паромъ безличнымъ,
Потрясаетъ въ бѣгъ ритмичномъ.
Вертись, вертись, каруселъ!
Твой назойливый грохотъ
Разбудилъ весь рабочій кварталъ.
Онъ пришелъ на ночной карнавалъ,
И гудитъ его хриплый хохотъ
Зазывая толпу въ балаганъ,
Акробаты кричатъ на подмосткахъ.
Балерина безстыдно танцуетъ канканъ,
И горитъ ея платье въ серебряныхъ
блесткахъ.
И, вливаясь въ бѣшеный хмѣль,
Весельемъ безумнымъ пьяны,
Дребезжатъ барабаны.
Вертись, вертись, каруселъ!
Съ темнымъ блескомъ въ молчаніи глазъ
безпокойныхъ,
Толпы дѣвушекъ стройныхъ,
Какъ цвѣты красоты
На болотѣ людской хищеты,
Продаютъ недозрѣвшее тѣло
Для развратныхъ потѣхъ
И проложитъ кидаютъ умѣло
Свой заученный смѣхъ.
И рабочій, горя сладострастьемъ,
Опьяненный доступностью дѣвичьихъ
тѣлъ,
Преступаетъ завѣтный предѣлъ,
Преступивъ, наслаждается призрачнымъ
счастьемъ.
Задыхаясь въ зловонной пыли,

Через площадь бредут, хлопая, старухи,
Пугливо сжимая свои кости.
Это страшные тихие духи
Потревоженной ночью земли.
И в глазах их, жадно раскрытых,
Дотоле безмолвный страх
И тоска о годах,
Безполезно прожитых.
О, глушайся, спасительный хмель,
Вертись, вертись, карусель!
Разгораются пьяные взоры,
Отражая огней узоры.
Непонятны обрывки подслушанных слов.
И, дрожа в электрическом свете,
Протянулись проволоки сети
Над сомкнутым строем домов.
Тяжело, безпощадно,
Как гиганта объемного,
Непостигнутый бог
Протянул свои щупальца жадно.
И бежит усколзающий свет,
Превращая в ночные миражи
Купы чахлых деревьев, толпу, экипажи
И мальчишек с пучками вечерних газет.
О, смотрите, смотрите с холодным презрением
На безрадостный праздник рабов,
Ваших вечных врагов,
Ни на миг не утешенных мщением.
Их не слышит родная страна,
Что, смеясь, вы зовете отчизной,

И которую волей капризной
Пробудили для мук времена.
Эти муки их ждут с колыбели,
Эти муки с ними всегда.
Им от них не уйти никуда:
Все такие ж кругом города
И такая же в них карусель.
Вертись, вертись, карусель!
И незримо царит властелин над толпою,

Сторожа
Непогасший огонь мятежа,
Блеск дневной отблеск, бегущий под грязной золою.
Он холодным расчетом постиг
Тайну власти, неверной и зыбкой,
И глядит со равнодушной улыбкой,
Как ликует толпа, позабывшись на миг.
Взгляд владыки
Разбивает, как меч, полуночную тьму,
И привычны ему
Дикой ярости крики.
Вертись, вертись, карусель!
Так недавно зеркало здесь выстрелов пламя,
Над толпою летала незримая смерть,
Холодала пробитая пулею жердь,
И на ней развевалось красное знамя.
Равнодушно грабли шеренги солдат,
Против них безпокойно металися люди,
И раскаты орудий

Сотрясали ряды баррикадъ.
Пламя ярыхъ пожаровъ стекло на равнины,
Возникали моря въ тѣсномъ руслѣ рѣки,
И подъ мощнымъ напоромъ рабочей руки
Замедляли свой бѣгъ неустанныя машины.

И народъ рокоталъ, какъ прибой,
Затопляя волною равнину,
И желѣзной рукой
Онъ желѣзную рвалъ паутину.
Вертись, вертись, каруселъ!
Здѣсь, въ изменчивомъ свѣтѣ
Электрическихъ солнцъ и печальной луны,
Изъ тумана столѣтій
Встаютъ сны старины.
Здѣсь сложилось столько преданій!
Здѣсь погибло столько людей!
Пусть бушуетъ веселье сильней
Въ тѣсномъ кругѣ сомкнувшихся зданій!
Подъ гнетомъ гранитныхъ цѣпей!
Завтра чуждымъ ужъ взглядомъ
Будетъ прежній боецъ
По разбитымъ блуждать баррикадамъ.
Онъ въ хмелю разобьетъ свой вѣкецъ,
Онъ свой хмель позабудетъ,
Какъ забудетъ порохъ,
И фабричный гудокъ
Въ часъ урочный его отъ забвенья пробудитъ.
На сегодня достигнута цѣль.
На страданья нахлынетъ расхрашенный полог.
Будетъ скученъ и дологъ

Промежутокъ рабочихъ недѣль.
Завтра жъ будутъ забыты восторги,
И, забытый, останется хмѣль
На развалинахъ нищенскихъ оргій.
  Вертись, вертись, карусель!
  Все стремительнѣй танецъ;
И безуміе льется въ беззвѣздный просторъ.
На увядшихъ щекахъ расцвѣтаетъ румянецъ,
Громче бури реветъ человѣческій хоръ.
Звуки пѣсенъ сливаются въ вой стоголосый.
Гдѣ то плачетъ свирѣль.
Испаренья людскія сгущаются въ росы
И съ безумьемъ сливается хмѣль.
Праздникъ жалокъ и страшенъ.
А надъ темными крышами чудныхъ дворцовъ
Роковые удары часовъ
Льются съ призрачныхъ башенъ.
Вотъ сорвался, упалъ акробатъ...
Онъ лежитъ, умирая, на грязной аренѣ...
Его блѣдныя губы въ пурпуровой пѣнѣ...
А кругомъ уже трубы гремятъ,
Заглушая предсмертные стоны,
И свирѣпо ревутъ граммофоны...
Сказки нѣтъ. И томительна быль.
Въ полумракѣ
Загораются драки.
Кровь струится тихонько на сѣрую пыль,
Слышенъ скрежетъ и злоба сверкаетъ во взорахъ:
На разсыпанный порохъ

Скоро ляжетъ зажженный фитиль.
Вертись, вертись, карусель!
Съ каждымъ новымъ твоимъ оборотомъ
Все сгущается хмѣль
Надъ проклятымъ болотомъ.
Онъ сверкаетъ, какъ пламя, звучитъ, словно стонъ.
Сладострастный и пѣнный,
Онъ готовъ перелиться въ мертвенный
Отрезвляющій сонъ.
Флейты жалобно свищутъ,
Гаснутъ искры ракетъ въ небосводѣ ночномъ,
А усталые люди въ весельи своемъ
Безпокойно чего то ищутъ...
И тревога ползетъ, какъ огонь подъ золою костра,
И встаетъ надъ толпой безпощадность:
Это чья то разсчетливо злая игра
Разжигаетъ злобу и жадность
Подъ насмѣшливый звонъ серебра.
Но въ неистовствѣ шутокъ
Хочетъ дико рыдать истомленный народъ,
Отъ восторга чего то онъ ждетъ,
И восторгъ его жутокъ.
Онъ въ очахъ проститутокъ,
Распаляемъ виномъ,
Загорается пьянымъ огнемъ.
Онъ въ тревожномъ движеньи
Робко блещетъ въ толпѣ,
Какъ ночной огонёкъ на болотной тропѣ,
Какъ тоска о забытомъ давно наслажде-

ньи.

Вертись, вертись, карусель!
Меркнетъ свѣтлое царство мечты,
Что когда то, какъ лаской,
Отравляло ихъ сказкой
Въ кандалахъ нищеты...
Что имъ завтра? Сегодня!
Пусть сегодня настанетъ для нихъ тор-
жество!

Пусть добьются его,
Хоть бы въ этомъ мѣшала имъ воля Господ-
ня!

Совершится судьба,
Прогремитъ роковая труба,
Хлынутъ волны потопа,
Разрушая позорную гордость холопа,
Ободряя трусливое сердце раба.
Засверкаютъ на солнцѣ знамена,
И разсѣется праздничный хмѣль.
И какъ будто поетъ карусель,
Подъ насмѣшливый хрипъ граммофона:
„Въ переливахъ бенгальскихъ огней,
Въ душномъ смрадѣ забавъ порочныхъ,
Сквозь туманы восторговъ лубочныхъ,
Прозрѣваю я новыхъ людей.
Я ихъ скучную радость нарушу,
Подниму покрывало временъ,
Разгадаю ихъ сонъ,
Отдавая имъ душу"...
Вертись, вертись, карусель!
Повернись, колесо торжествующей
жизни,

Буркымъ пламенемъ брызги
На безумный ихъ хмѣль!
Вертись, вертись, каруселъ!

Химеры.

Химеры одиноко надъ городомъ застыли,
Въ просторъ, какъ въ отраженіе, задумчиво глядя.
Подъ ними угрожающе гудятъ автомобили,
На площади асфальтовой разбрызгивая грязь.

Предъ ними разстилается глупая бесконечность,
И куполъ неба тонкаго, какъ камень толстъ и тверъ.
Глядитъ съ улыбкой хмурою насмѣшливая вѣчность
Зрачками нелодвижными смѣющихся химеръ.

Онѣ глядятъ на улицы, какъ въ темные колодцы,
Гдѣ бѣшено свивается людской водоворотъ,
Гдѣ люди — безразличные и грубые уродцы
Въ тупомъ однообразіи сминяющихся модъ.

Глядятъ на волны мутныя тоскучившей ея Сены,

Змѣей кѣловоротливой прорѣзавшей Парижъ,
Глядятъ, какъ каряжаются уродливыя
губы
Въ одежды разноцвѣтныя причудливыхъ
афишъ.

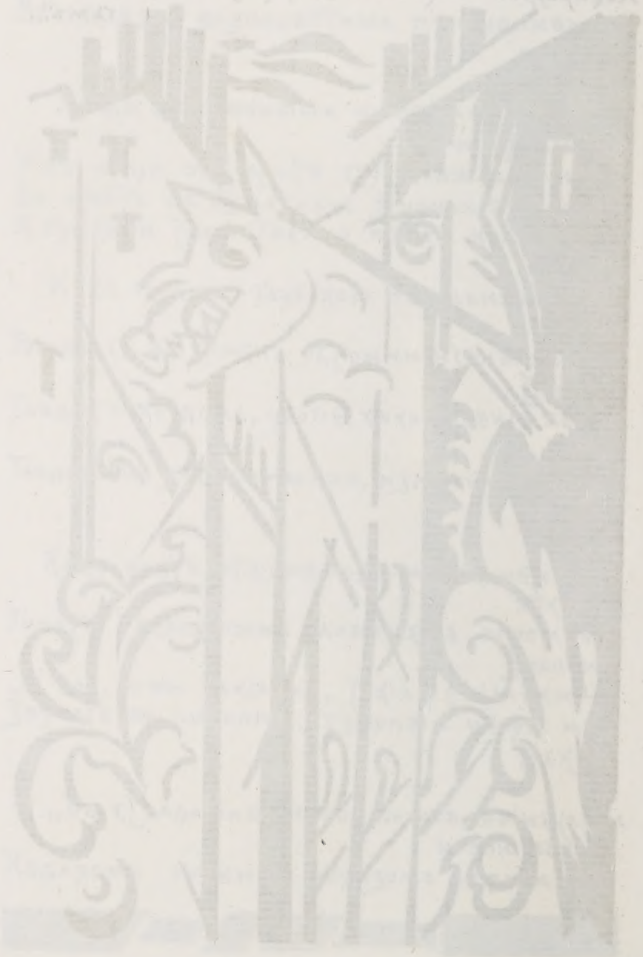
Когда жъ ночными нимбами загадочно и
страшно
Ихъ лица окружитъ струившаяся мгла,—
Въ отвѣтъ на отдалѣнное журчанiѣ органа,—
И гулко и таинственно поютъ колокола.

И съ горечью глубокою печальныя химеры,
Вливаясь въ камень острыми извивами хотѣй,
Глядятъ въ дома, убогiѣ, какъ древнiя пещеры,
Глядятъ на засыпающихъ, измученныхъ людей.

Какъ будто отхрываются ихъ каменныя вѣки,
Горятъ тревожнымъ пламенемъ огромныя
зрачки...
„И вы, и вы такiя же, такiя же калѣки!“—
Звучатъ въ ночномъ безмолвiи укоры ихъ
тоски.

„Въ страданiяхъ невѣдомыхъ, въ исканьи
новой вѣры,
Недаромъ нашимъ образомъ ухрастили

вы храмъ:
Мы ѣдкія, зловѣщія, мы грозныя химеры,
Которымъ поклоняются, какъ нѣкогда бо-
гамъ"...



На разъѣздѣ.

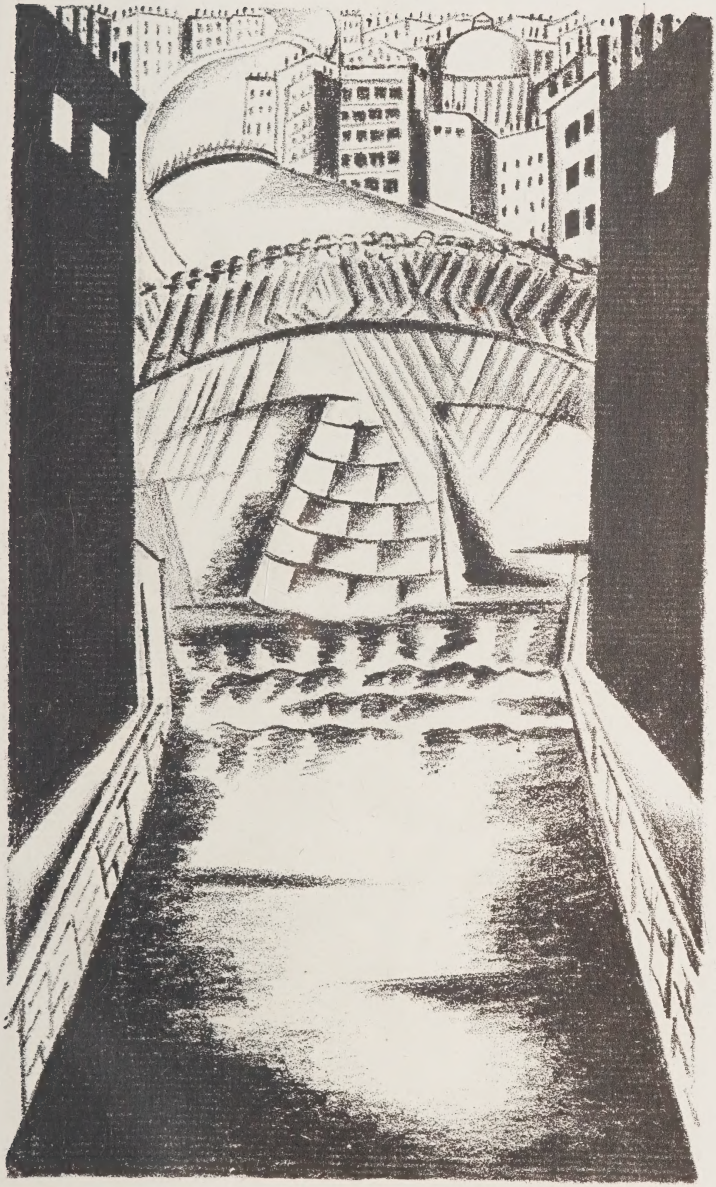
Стекаетъ ночь съ небесныхъ сводовъ,
Безъвѣздный поглощаетъ просторъ.
Гудки проснувшихся заводовъ
Слились въ передразсвѣтный хоръ.

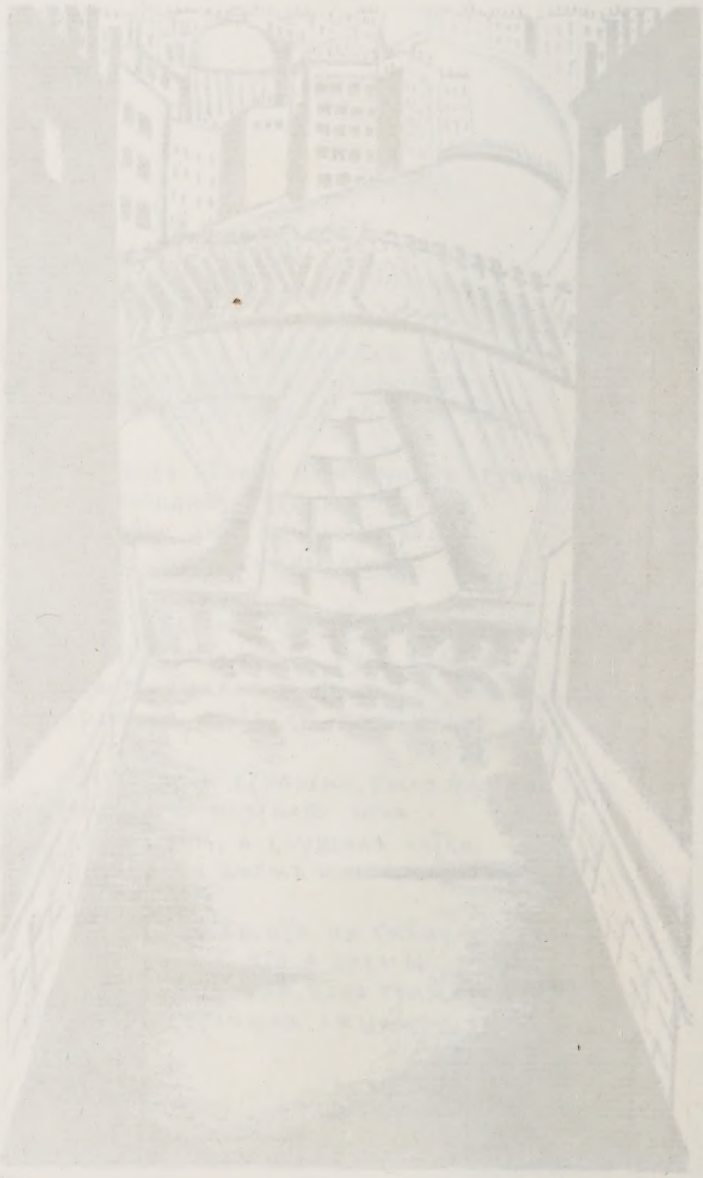
Сквозь сѣрый дымъ упалъ безъ блеска
Зари холодной тусклый свѣтъ.
Навстрѣчу дню печально рѣзко
Кричатъ разноцвѣтные газеты.

Еще темно. Но въ зыбкомъ мракѣ
Звучитъ тревожный гулъ колесъ
И сквозь туманъ, какъ чьи то знаки,
Мерцаютъ блѣдныя лампіоны.

Мнѣ было страшно, было жутко
При свѣтѣ мертваго огня.
Какъ часовой, я слушалъ чутко,
Ждалъ ночи днемъ и ночью дня...

Но часъ бѣжитъ на смѣну часа,
И ночью тоже, что и днемъ,
И жизнь проснувшаяся, какъ гримаса,
Внезапно ставшая лицомъ...





Три камня.

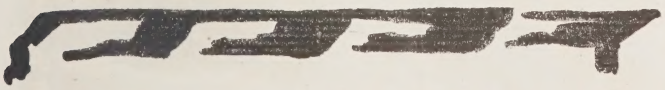
Три камня въ городѣ угрюмомъ
Мнѣ странно близки и милы,
Они моимъ подобны думамъ,
Они, какъ думы, тяжелы.

Названья ихъ звучатъ сурово:
Кирпичъ, булыжникъ, известнякъ.
Но каждый камень, что—слово,
Таинственный, волшебный знакъ.

Ихъ покорили люди-дѣти,
Теперь владыка ихъ ужъ тѣнь,
И ихъ языкъ тысячелѣтій
Подобенъ языку планетъ.

Кирпичъ—сухой, прямоугольный,
Сковалъ людей, захрыслъ поля,
Застылъ навѣки безотдольный,
Какъ мачиха его-земля.

Онъ равнодушенъ, ложно кротокъ,
Онъ воплотилъ тюрьму и храмъ,
Вобралъ въ себя чугунъ рѣшетокъ
И переплетъ оконныхъ рамъ.



И чуждъ ему булыжникъ звонкій,
Насмѣшливый живой болтунъ,
Гудящій подъ вагономъ конки,
Открывшій въ рельсахъ тайну струнъ.

Онъ возлюбилъ свою свободу
И свой истрепанный нарядъ,
Онъ вѣрный поставщикъ народу
Несокрушимыхъ баррикадъ.

Но третій камень мертвъ и скованъ,
Какъ ледъ, невозмутимо строгъ,
Какъ зеркало, отполированъ
Мильономъ равнодушныхъ ногъ.

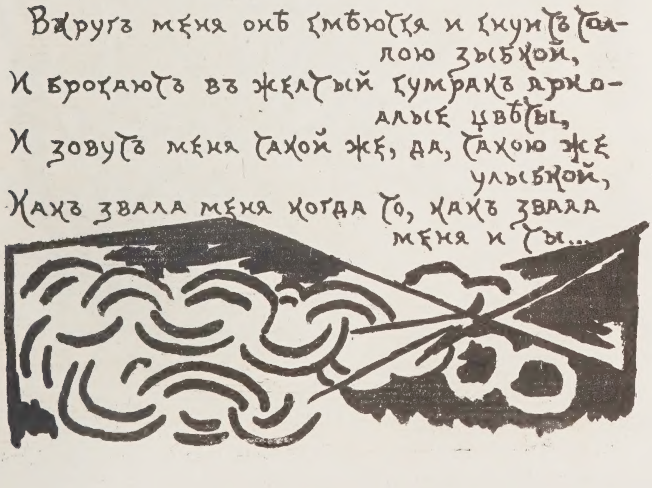
Глядитъ, морщинками изрытый,
Тихонько корчась подъ ногой,
Всегда, какъ гробовыя плиты,
Холодный, мрачный и нѣмой...

Также...

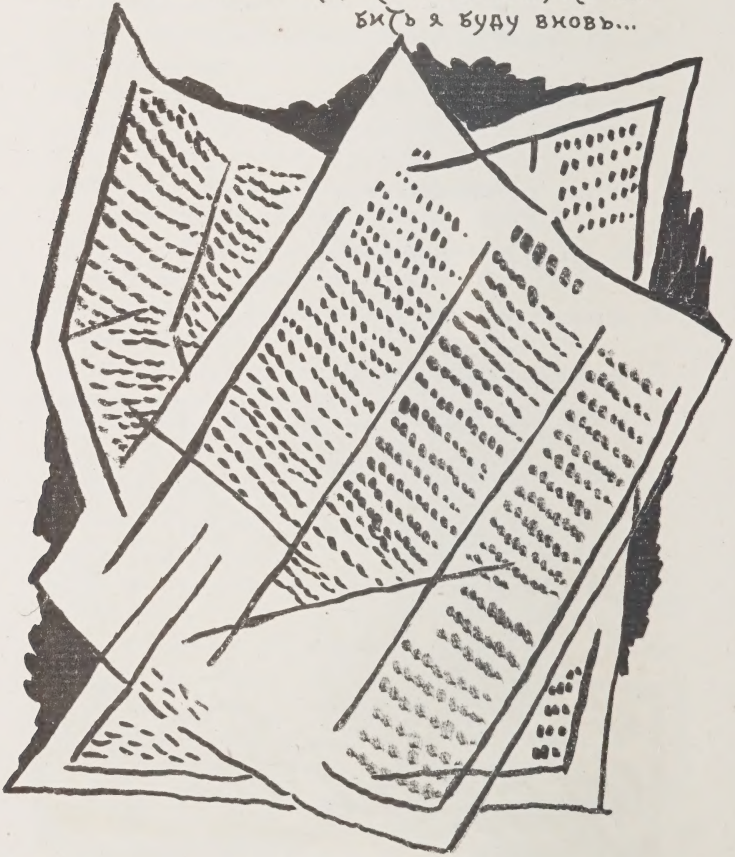
Городъ шумный и веселый, въ дымѣ призрачныхъ фантазій,
Я любилъ твои изломы, сѣрый камень твой любилъ.
Но въ томительныхъ оковахъ роковыхъ однообразій
Я забылъ слова восторга и слова любви забылъ.

Ты на скользкія панели выгналъ дѣвушекъ незрѣлыхъ,
Ихъ дешевымъ сладострастьемъ ты разсѣялъ мой угаръ,
И дыханьемъ ихъ улыбокъ, равнодушно-неумѣлыхъ,
Отравилъ, какъ знойнымъ вѣтромъ, вѣчно праздничный бульваръ.

Вкругъ меня онѣ смѣются и снуютъ толпою зыбкой,
И бросаютъ въ желтый сумракъ ярко-алые цвѣты,
И зовутъ меня такой же, да, такою же улыбкой,
Какъ звала меня когда то, какъ звала меня и ты...



И дадутъ мнѣ признанья изъ газет-
наго романа,
Но такія же признанья я влагалъ въ
мою любовь...
Я хотѣлъ бы спрятать счастье за завѣ-
сою тумана,
Стыдно вспомнить, что любилъ я, что лю-
бить я буду вновь...

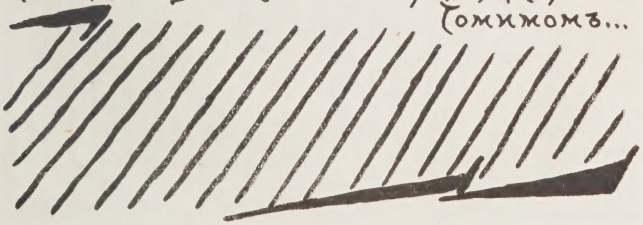


Бредъ.

Мѣрзкія, чѣтхія линіи гонныхъ бульваровъ,
Хмурыя, грязныя, сѣрыя, жѣлтыя гнѣзды...
Въ башенъ плывутъ однозвучныхъ ритмы ударовъ,—
Смѣна часовъ не рождаетъ внизу перемѣны...

Только афиши алѣютъ цвѣтами въ пустынѣ,
Словно румянецъ на мертвомъ безмолвіи лицъ,
Смѣло вокзая въ холодную сумрачность линій
Яркое пламя своихъ торжествующихъ глазъ.

Желтое солнце заходитъ въ пурпуровой пѣни
Дремлющихъ тучъ, окаймленныхъ нѣжащимъ дымомъ.
Черныя толпы проходятъ, какъ длинныя тѣни,
Солнцемъ забыты въ городѣ, горькою томимомъ...



Въ воздухѣ вяломъ гудятъ равнодушно устало
Томныѣ звуки вечернихъ глухихъ перезвоновъ...
Въ темныя зыби серебряной лентъ канала
Тонко глядятся узоры гранитныхъ фронтоновъ...

Тамъ, подъ мостами, надъ мутно-лѣнивой водою,
Тихо мелькаютъ печальныя тѣни русалокъ...
Тихія дѣвичьи очи полны нѣкоторой тоскою,
Бѣлыя руки сжимаютъ букетъ фіалокъ.

Странныя думы мерцаютъ въ ихъ призрачныхъ взглядахъ,
Бѣдная пѣна похрустала зеленыя хвосты...
Ночь наступаетъ... На бѣлыхъ вѣнчальныхъ нарядахъ
Жемчугомъ тяжкимъ застыли вечернія росы...

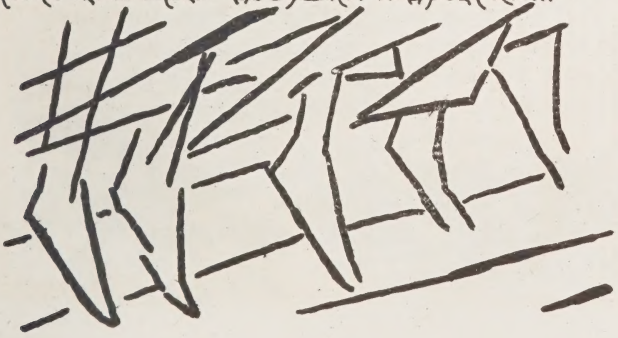
Ахтырка.

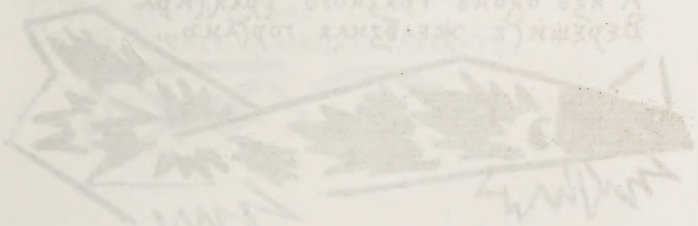
Ты взошла съ другими на подмостки
И смѣялась. Танецъ былъ безстыденъ...
Только мнѣ твой смѣхъ былъ явно виденъ:
Такъ смѣются дѣвушки-подростки...

Надъ толпою алчно-сладострастной,
Сквозь туманъ и сизый дымъ табачный,
Ты казалась маленькой, невзрачной,
И, какъ въ сказкѣ, призрачно-нелѣпой.

Но въ движеньяхъ груди, что упруго
Колыхалась въ мѣрномъ ритмѣ пляски,
Ты была близка мнѣ, какъ подруга,
Какъ прикрѣпленная изъ моей же сказки.

Смѣхъ твой ладалъ въ залу, словно
бѣсенки,
Въ полумракѣ отравленныхъ тумановъ,
На толпу крикливыхъ павіановъ...
Такъ смѣются дѣвушки-подростки...





Продавщицы.

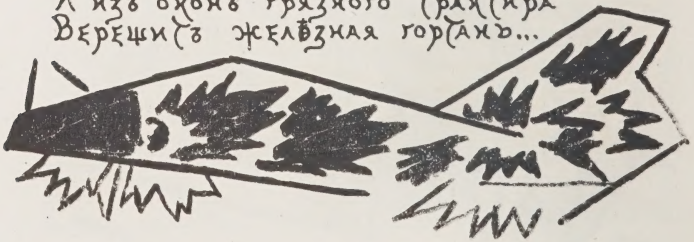
Морозитъ. Сѣдое небо хмуро.
Дождь стекаетъ съ гладкихъ черепицъ.
По панелямъ тянутся понуро
Тонкія фигуры продавщицъ...

Вотъ проходятъ, молясь смиренья,
Подъ холодной тяжестью корзинъ,
И за ними тянутся отраженья
Въ темныхъ стекляхъ оконъ и витринъ.

Въ ихъ рукахъ безвкусныя букеты,
Отблескъ непонятной красоты.
Но дрожатъ, закутавшись въ газеты,
Южныя иззябшія цветы.

И подъ грубыя назойливыя крики,
Подъ жужжанье тысячи колесъ,
Высцвѣтаютъ алыя гвоздики,
Вянутъ стебли утомленныхъ розъ.

Вотъ прошли... И снова скучно, сыро...
Вслѣдъ за ними замираетъ бракъ,
И изъ оконъ грязного трактира
Вертятся желѣзныя горлань...



Дождь.

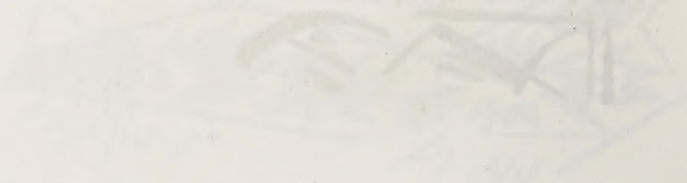
Плачетъ дождь за окномъ,
Плачетъ глухо и нудно,
Плачетъ все объ одномъ...
И на улицѣ тихо, безлюдно...

И струится на землю тоска
Сквозь туманъ непогоды...
Это длится, быть можетъ, вѣка,
А быть можетъ лишь дни или годы...

Я забылъ уже, что солнечный свѣтъ
Золотилъ мостовую,
И мнѣ кажется, тысячи лѣтъ
Я въ окошко гляжу и тоскую.

А, быть можетъ, не я, а другой,
Но похожій, родной и понятный,
Ждалъ чего то съ тоской
И надеждой невнятной...

Такъ грустно смотрѣлъ черезъ окно,
Какъ сгорбла дорожная слякоть,
Такъ кто то давно
Въ тотъ часъ жаждалъ плакать...



Во дворѣ.

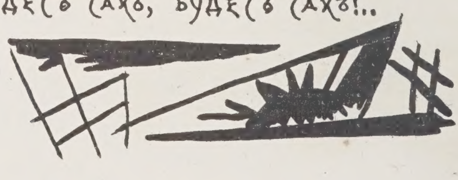
Во дворѣ, какъ въ тихомъ болотцѣ,
Застоялся воздухъ ночной.
Я сижу въ глубокомъ колодцѣ
И на небо гляжу съ тоской.

Мнѣ не видно яркого солнца
И влюбленной блѣдной луны,
И въ просвѣтъ моего оконца
Не влетятъ золотые сны.

Брань прислугъ, перезвонъ тарелокъ,
Гулъ колесъ,— вотъ и весь мой міръ.
Каждый день въ немъ такъ нудно мелокъ,
Каждый день такъ угрюмъ и сиръ...

Будутъ скучныя пѣсни литься,
Будетъ пѣть внизу граммофонъ,
И чужія сѣрыя лица
Наблюдать изъ узкихъ оконъ...

Въ невеселомъ долгомъ концертѣ
Незамѣтно сгустится мракъ...
И до самой, до самой смерти
Будетъ такъ, будетъ такъ!..



Тоска..

Я усталъ отъ пестроты созвучій,
Смѣны лицъ и грохота колесъ.
Въ этотъ городъ, шумный и могучій,
Я святыни счастья не принесъ.

Я его оставилъ на равнинѣ,
И тоску о немъ унесъ взамѣнъ,
Чтобы молча плакать о святынѣ,
Взаперти, среди кирпичныхъ стѣнъ.

Я привыкъ, не помня ихъ примѣты,
Города мѣнять на города,
Жизнь безъ зла, какъ утро безъ газеты,
Стала мнѣ загадочно чужда...

Стали чужды люди безъ сомнѣній,
Стали странны лица безъ румянъ,
И въ тревожной смѣнѣ сновидѣній
Я живу, ихъ ароматомъ пьянъ.

Но порой, когда, печально звонокъ,
Паровозъ зоветъ меня вдали,
Я бъ хотѣлъ приникнуть, какъ ребенокъ,
Къ тишинѣ измученной земли...

Слушать лѣса шелестъ-гулъ пѣвучій,
Ощущать, но не въ обманѣ словъ,
Въ каждомъ цвѣтѣ радугу созвучій,
Въ каждомъ звукѣ радугу цвѣтовъ..

Но не въ силахъ возсоздать фантазій,
Дни идутъ... Ихъ тишина мертва,
Словно въ чьемъ то медленномъ разсказѣ
Безконечно нудныя слова...

Сена.

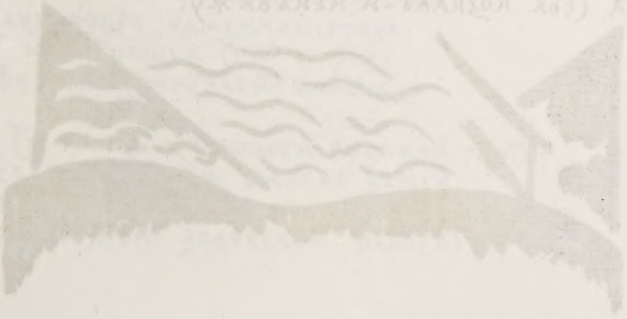
Въ темномъ небѣ сумрачный закатъ
Развернулъ кровавыя знамена.
Въ аломъ блескѣ призрачно горятъ
Скаты крышъ и куполъ Пантеона.

И, віясь по городу змѣей,
Сена дремлетъ въ розовомъ туманѣ.
Плещутъ волны съ тихою тоской
Про позоръ подавленныхъ возстаній.

Но рѣка — могучая рѣка —
Не забыла бѣшеные споры
И на ней минувшіе вѣка
Начертали страшные узоры.

Затаила мутная вода
Зелень мѣди, ржавчину желѣза...
Но надъ въ кровавые года
Возносилась къ небу Марсельеза.

А теперь, закутавшись въ туманъ,
Берега она тихонько точитъ
И не хочетъ слушать парижанъ,
Ихъ улыбокъ отражать не хочетъ.



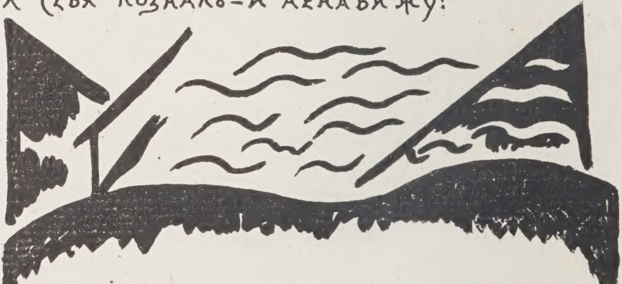
Но когда глядитъ въ нее бѣднякъ,
Ищущій свободы и молчанья,
Такъ заманчивъ этотъ тусклый мракъ,
Такъ тепло текучихъ водъ журчанье...

Ждетъ рѣка и манитъ отдохнуть,
И журчитъ, журчитъ все ближе, ближе...
Какъ невѣста, ждетъ къ себѣ на грудь,
Какъ невѣста, краше всѣхъ въ Парижѣ:

„Я твой сонъ, твоя любовь-мечта,
Я твоя хранительница сна,
Я одна невинна и чиста
Въ мертвомъ царствѣ суеты и тлѣна.

„Позабудь земли сухую твердь,
Отдохни — въ моей прозрачной пѣнѣ
Дамъ тебѣ я сладостную смерть,
Какъ вѣнецъ пережитыхъ мученій.

„Чтобы могъ ты свой послѣдній крикъ
Кинуть въ пасть надменному Парижу:
„Жалкій шутъ, издерганный старикъ,
Я тебя позналъ — и ненавижу!“



Градъ видимый.

Средь темныхъ каменныхъ домовъ,
Гдѣ худый дождь тоскливо плачетъ,
Душа свой міръ глубоко прячетъ
Отъ чуждыхъ ей другихъ міровъ.

Она гродилась съ вѣчнымъ шумомъ,
Она гродилась съ камнемъ грубымъ,
И незамѣтенъ грубый плѣнъ
Свободнымъ окрылѣннымъ думамъ.

И городъ-царственный гранитъ-
Въ своей замкнутости кирпичной
Такой красивый и различный,
Въ моей душѣ всегда царитъ.

Хвостъ строй машинъ, въ желѣзномъ
визгѣ,
Гошлись владыки и рабы.
На нихъ, хвостъ дымный жабы
Струятся огненныя брызги.

Могучій городъ! Ты возникъ,
Какъ будто каменная греза,
И не страшна тебѣ угроза
Твоихъ строителей-владыкъ.

Ты-плоть отъ нашей бренной плоти,
Теперь сильнѣй тысковъ земли:
Тебя камнемъ мы превзошли
Въ могучей зодчественной работѣ!

Въ магазинахъ.

На бульварахъ зелень липъ отмокла,
Дождь вуалью скрылъ безцвѣтность лицъ.
Я гляжу, какъ свѣтятся сквозь стекла
Блѣдныя улыбки продавщицъ.

Вотъ одна рукой своей привычной
На пакетъ крутитъ узелокъ,
И румянецъ, тягостно кирпичный,
Ни на мигъ не сходитъ съ впалыхъ щекъ.

Тяжело ли, поправляя косы,
Цѣлый день твердить лишь „да" иль „нѣтъ",
На одни и тѣ же всѣ вопросы
Все одинъ и тотъ же дать отвѣтъ?

Есть слова — да имъ ихъ звонъ не нуженъ,
Есть мечты — да ихъ не скажутъ имъ,
Какъ не бросятъ радостныхъ жемчужинъ
Нищенкамъ бездомнымъ и чужимъ.

Знаю я, — подъ тяжестью шиньона
Ихъ мозги давно сверлитъ мечта:
Вотъ бы выйти замужъ за патрона,
Разодѣться въ яркія цвѣта,

Чтобъ хозяйкой, алчной и ворчливой,
Возсѣдать за кассою въ тиши
И считать рукой неторопливой
Серебро, бумажки и гроши...

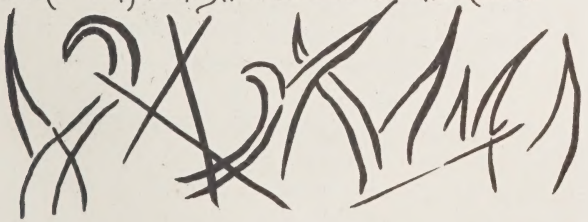
* *
*

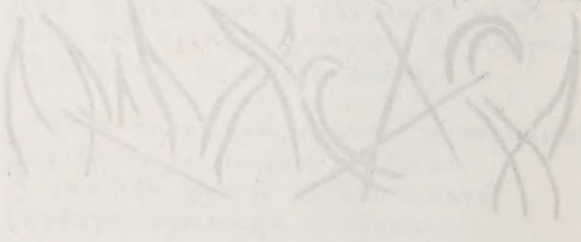
Душа, объятая измученностью,
Возненавидела упорно
И города съ ихъ душной скученностью,
И лѣсъ, и село, гдѣ просторно.

И все былое, все изглядѣвшее,
Гдѣ каждый день приноситъ встрѣчи,
И рвется сердце въ то невѣдомое,
Гдѣ нѣтъ ни близкихъ, ни предвѣчи.

Гдѣ все полно нѣмой тайностью,
Какъ сердце женщины любимой,
Гдѣ можно пламенемъ вонзаемости
Зажечь огонь мечты творимой.

Замкнуться гордыми стремленіями
Въ любви могущественно дикой,
И надъ другими похолѣніями
Быть первозданнымъ владыкой...





Въ музеѣ.

Я люблю молчаніе музеевъ,
Гулъ шаговъ въ большихъ и хрустальныхъ залахъ,
Зоркій взглядъ внимательныхъ лакеевъ,
Разходящихся, черныхъ и усталыхъ.

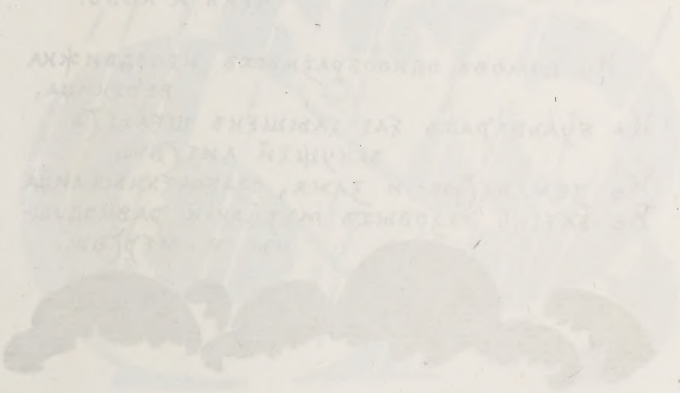
Сквозь вѣка, дыша ихъ духовенствомъ,
Бѣлъ и чистъ, свергаетъ мраморъ статуй,
И, смотря на нихъ съ кѣмъ-то почтеньемъ,
Вслѣдъ скользятъ походкой виноватой.

Но чрезъ окна, въ тишинѣ безмолвной,
Голосъ дня струитъ свой разсказъ,-
Наблѣдаютъ, слѣпятся, какъ волны,
Умирая у подножья статуй...

Блещетъ солнце, ярко разсылая
Искры свѣта на усталыхъ лицахъ,
На вагонахъ рѣзваго трамвая,
На домахъ и на холеныхъ глицахъ.

Я гляжу-и кажется тогда мнѣ,
Что хрипи-брызги вѣчной бури-
Здѣсь застыли, вѣчные, какъ камни,
Навсегда облитые въ хрусталѣ.

И дрожатъ ихъ каменныя лики,
На мгновенья пыль вѣковъ развѣявъ,
И звучатъ ихъ ламенныя крики
На гудьемъ молчаніемъ музеевъ...

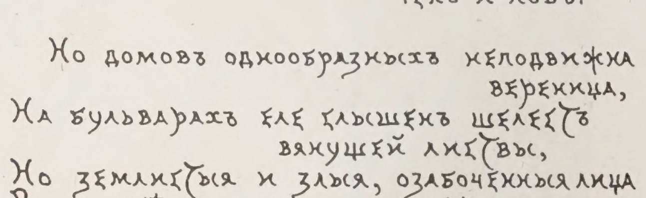


* *
*

Не смолкаетъ въ переулкахъ говоръ пестрый и веселый,
Городъ блещетъ и дымится, какъ ликующій алтарь.
Я съ тоской гляжу, какъ въ небѣ тихо таетъ дымъ тяжелый,
Я — оторванный отъ степи и тоскующій дикарь...

Люди ходятъ и смѣются, опьяненные движеньемъ,
Подъ землей гудятъ колеса отдаленныхъ поѣздовъ,
Каждый мигъ своимъ сверканьемъ, каждый мигъ своимъ волненьемъ
Равенъ грохоту столѣтій, вѣченъ, призраченъ и новъ.

Но домовъ однообразныхъ неподвижна вереница,
На бульварахъ еле слышенъ шелестъ вянущей листвы,
Но землистыя и злыя, озабоченныя лица
Въ блескѣ газовыхъ мерцаній равнодушны и мертвы.



И, затерянный в тревоге, пред не-
зримым я безмолвием,
Пред незримым, что змеею заползло в
усталый мозг,—
Мысли гибнут, как мыши, в глуби-
ну его извилин,
Стали бледными, как трупы, стали мяг-
кими, как воск...

Пусть таятся они о счастьи—ведь, кру-
гом звуча, угрозы,
Кто-то злится, кто-то ропщет, громыхая
и гудя,
И, взращенные на воле, мерзнут думы,
гаснут грезы
За хвощовою решеткой бесконечного
дождя...

Выставка.

Н. С. Гончаровой.

Въ странныхъ узорахъ, въ лицахъ нелѣпыхъ
Спрятались силы новой стихіи.
Въ комнатахъ гулкихъ, въ тягостныхъ склепахъ
Вижу улыбку сѣдой Византіи.

Дни наши скучны, дни наши сѣры,
Нудны и вялы наши разсказы.
Развѣ жъ не въ краскахъ наши химеры?
Развѣ не въ стеклахъ наши алмазы?

Въ каждой улыбкѣ, въ каждой причудѣ
Радость творенья пламенемъ пышетъ.
Вамъ это странно, жалкіе люди?
Тотъ, кто умѣетъ, видитъ и слышитъ!

Въ кинематографѣ.

Въ полутемной, захолустной залѣ
Притаился жуткій великанъ.
Взглядъ его, привыкшій мѣрять дали,
Устремленъ на узенькій экранъ.

Черезъ залу протянулъ онъ нити,
Пыль дрожитъ, какъ бусы, въ нихъ огнѣ,
И бѣжитъ безчисленность событій
На холодно-стальномъ полотнѣ.

Мчатся за картинами картины,
Смѣны лицъ и многоцвѣтность стилей.
Жадный глазъ глядитъ сидящимъ въ спины
И видитъ пламя на экранѣ.

Тамъ проходятъ короли, боксёры,
Президенты, клоуны, попы,
И влетаютъ призрачные взоры
Въ черное молчаніе толпы.

Быстролетны смѣны на экранѣ,
Какъ желанья зристелей-дѣтей.
Жажда смѣнъ бушуетъ въ великанѣ,
Жажда смѣнъ горитъ въ глазахъ людей.

Этой жажды, злой, неугомонной,
Великанъ не въ силахъ утолить.
Тщетно, тщетно, въ бѣгѣ превзойденный,
Небылицы онъ вплетаетъ въ нить.

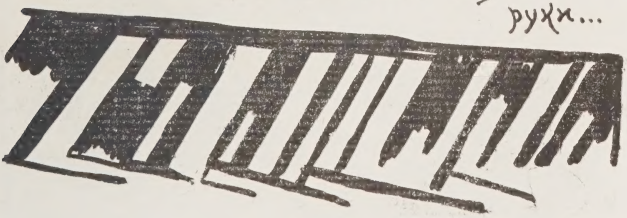
Надъ волнами золотистой пыли
Твнь мечты скользитъ въ очкѣ зарницъ...
Новыхъ, новыхъ! Пусть возникнутъ были
Изъ безумно странныхъ небылицъ!

Сумерки.

Съ вечернею грустью открыла ты крышку рояля,
И бѣлые зубы оскалилъ безмолвный рояль.
Какая то злая улыбка была въ его грозном оскалѣ,
И съ этой улыбкой глядѣлъ на твою скрипку печаль.

Но медленнымъ жестомъ, безъ словъ, безъ тревоги, безъ страха,
Вложила ты руки въ открытую, злобную пасть,—
И пальцы мелькнули—отъ нихъ хлопливаго взмаха
Заплакалъ тихонько рояль—и тебя не постигъ онъ прохлаждъ...

И вырвались звуки, такъ тихо, что въ комнатѣ рядомъ
Никто бы не подслушалъ ихъ странной вечерней тоски.
По клавишамъ старымъ бродила ты вдумчивымъ взглядомъ,
И клавиши нѣжно впивали лобзанья руки...



И сонная пѣсня струилась медлитель-
нымъ тономъ,
Съ любовною лаской журчала мнѣ тихій
привѣтъ,
И плакать о прошломъ хотѣлось въ мол-
чаньи глубокомъ,
На томную ласку услышать, какъ прежде,
отвѣтъ.

Но звуки замолкли — и сумерки тихо
упали,
Загадочнымъ флеромъ окутали нашу пе-
чаль,
И, глядя на насъ, недоступный тоскѣ и
печали,
Съ насмѣшкою зубы таинственный ска-
лилъ рояль...

Колеса.

Тихонько стрѣлка часовая
На башнѣ свой свершаетъ кругъ.
Колеса вертятся трамвая
И тысячи колесъ вокругъ.

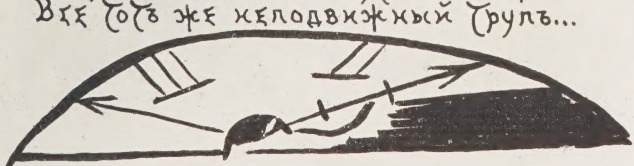
Мелькаютъ оси, вьются спицы,
Кидая переплетъ тѣней,
И блѣдныя проходятъ лица,
Въ сіяньи газовыхъ огней.

Жужжатъ колеса. Какъ въ туманѣ
Иду. Все крутится вокругъ.
И у меня, въ моемъ карманѣ,
Поютъ часы и мѣтятъ кругъ.

Вкругъ солнца мѣрно, взводъ за взводомъ,
Обходъ свершаетъ рой планетъ,
И ихъ орбиты хороводомъ
Горючій оцѣпили свѣтъ.

Я въ центрѣ вѣчнаго вращенья,
Но какъ въ поломанную ось,
Въ меня вселенское движенье
Струей живящей не влилось.

Я каждый день твержу все то же
Привычнымъ жестомъ мертвыхъ губъ,
И предо мной, на мертвомъ ложѣ,
Все тотъ же неподвижный трупъ...



* * *

Ночь пришла — и с ней жуткий холод,
Холод звезд и холод тишины...
Ночь пришла. А я забыл, что молод,
И с тоской вглядываюсь в сны.

В темноте пустых холодных комнат
Не зажгутся радостные сны.
Никогда они мне не напомнят
Нежный облик давно-ушедшей.

Развернутся бездушные страницы,
И на них читаю я — ушла...
И никто сквозь длинные ресницы
Не глядит в пустые зеркала...

Да, ушла... И страшно мне рыданьем
Разбудить загадочный покой...
Я во сне живу ея страданьем,
Наяву живу ея тоской...

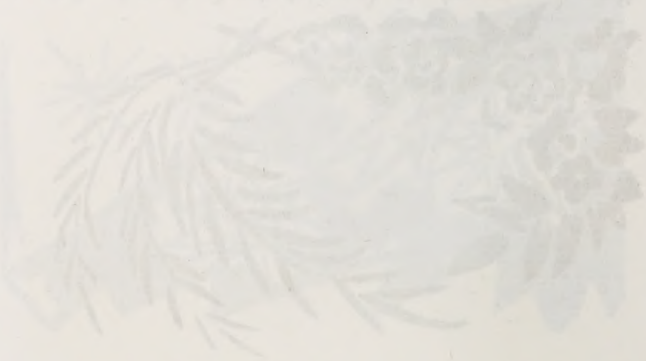
* *
*

Съ вѣчнальною свѣчею въ рукѣ,
Я слущалъ, какъ плакалася попъ.
Я видѣлъ, вблизи, вдалекѣ,
Чужой и некужный мнѣ гробъ.

Кто умеръ? Сказали, что ты,
И полъ твоё имя казвалъ,
И кто то вѣнки и цвѣты
На гробъ для тебя возлагалъ.

Кто умеръ? Я глухъ сталъ и нѣмъ.
Мнѣ кто то твердитъ—это ты.
Зачѣмъ же вѣнки хризантемъ
Полны очертаньемъ мечты?

Зачѣмъ же тогда, не томясь,
Я слышу, какъ тихой мечтой
Ты шелчешь мнѣ въ душу, смѣясь:
„Съ тобой я, съ тобою, съ тобой!“



* *
*

Какими словами нарушу
Покой твоего чела?
Ты душой своей въ мою душу
Въ минуту смерти вошла.

И когда далеко земное,
Когда кругомъ тишина,
Насъ опять, какъ и прежде, двое,
И только душа одна...

Ты лежишь на той же постели,
Гдѣ когда то любовь цвѣла,
Но въ твоемъ неподвижномъ тѣлѣ
Пеленою застыла мгла.

И спокойны черныя пряди
Твоихъ волнистыхъ волосъ,
И не видно въ незрячемъ взглядѣ
Еще не остывшихъ слезъ.

И губъ твоихъ теплая алость
Мои лобзанья хранитъ.
Кругомъ неземная усталость
Въ молчаньи свѣтломъ царитъ.

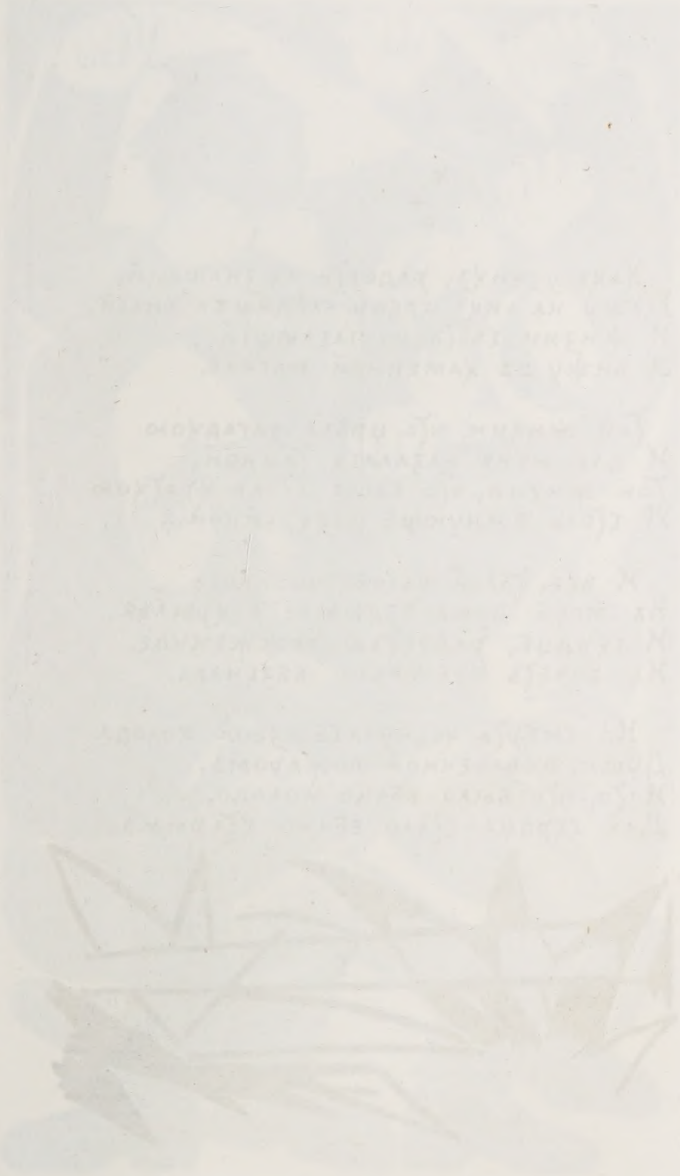
Какими словами нарушу
Покой твоего чела?
Ты душой своей въ мою душу
Въ минуту смерти вошла...

* *
*

Дожжетъ ли весна-и птичка закричжетъ,
Солнце золотыми взглянетъ лучами,—
Мамятъ о смерти въ душу проникнетъ
И обожжетъ, словно алое пламя.

Ты, вѣдь, была такою же птичкой,
Солнечный лучъ былъ нашъ дорогой...
Нынѣ же горе стало привычкой,
Сдѣлалось сердце обителью строгой.

Сталъ я отшельникомъ, сталъ я монахомъ,
Грудь мнѣ лучами жгутъ твои взгляды,
Въ сердцѣ золотою предъ твоимъ прахомъ
Тихое пламя вѣчной лампады...



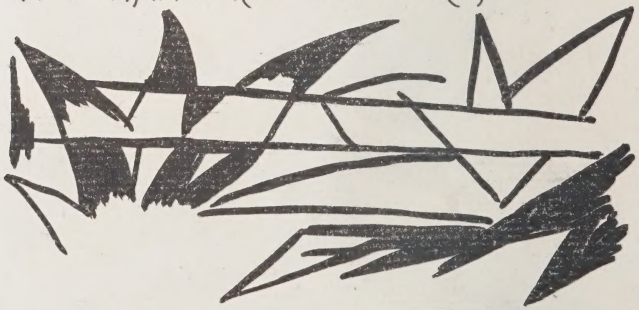
* *
*

Какъ узникъ, радости не знающій,
Гляжу на ликъ кредь блѣдныхъ лилій,
И жизни цѣнъ неугадающій
Я вижу въ каменной могилѣ.

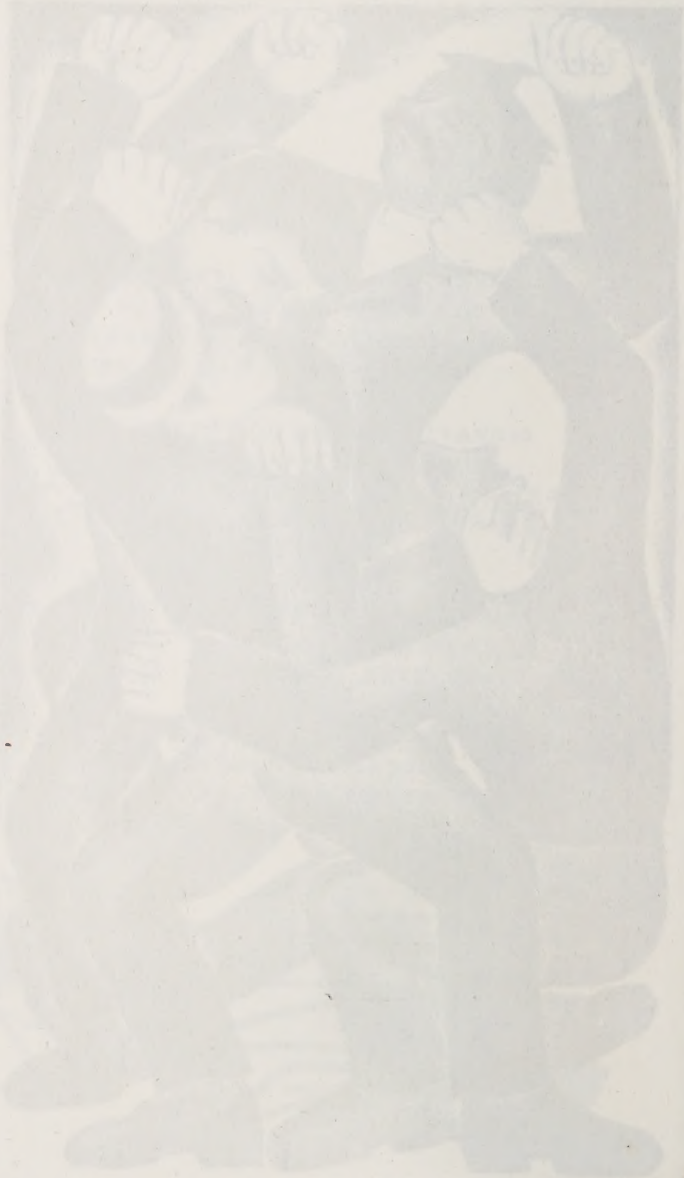
Той жизни, что цвѣла загадкою
И для меня казалась тайной,
Той жизни, что была столь краткою
И столь волнующе безкрайной...

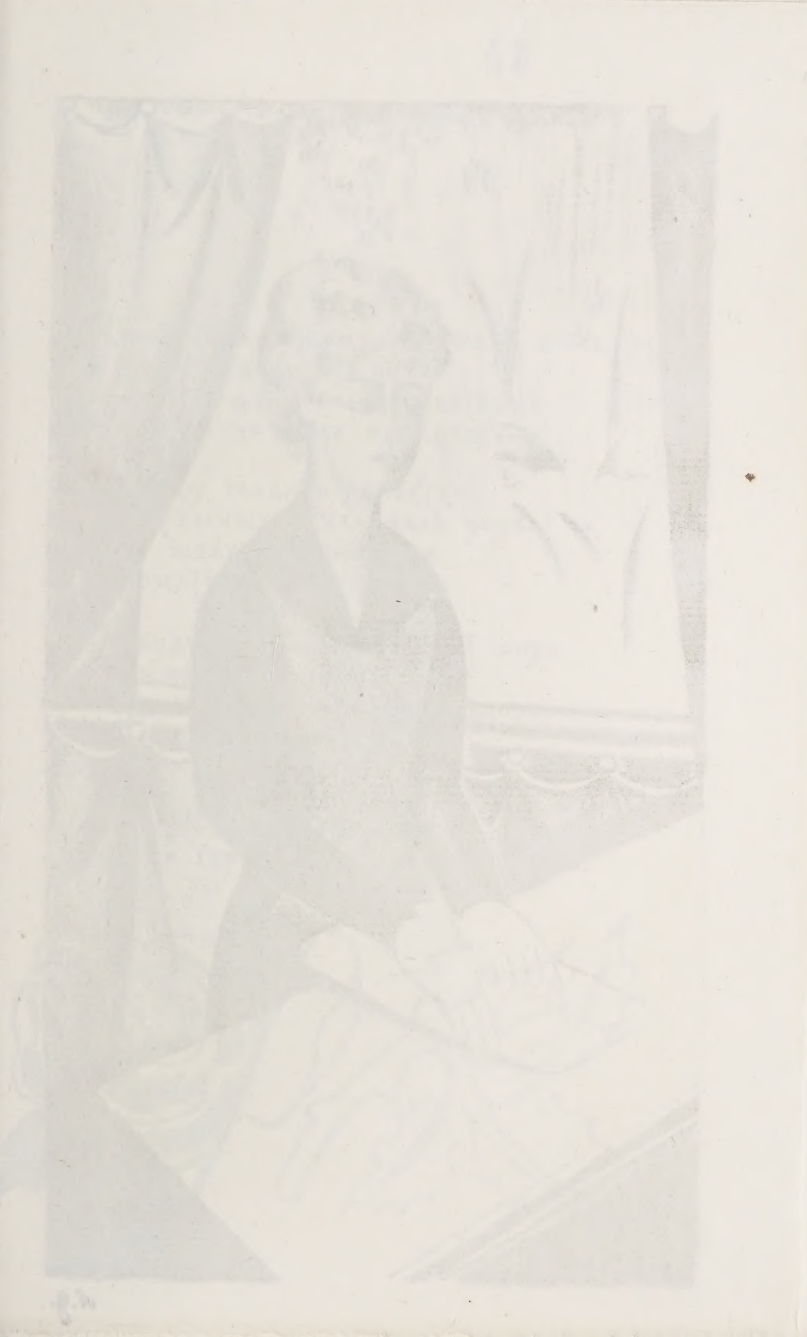
И все, тобой не совершенное,
Въ моей душѣ вздымаетъ крылья,
И сердце, радостью зажженное,
Не хочетъ прежняго безсилья.

Но смерть дохнула язвой холода
Души, охваченной пожаромъ,
И то, что было вѣчно молодо,
Для сердца стало вѣчно старымъ...



HG





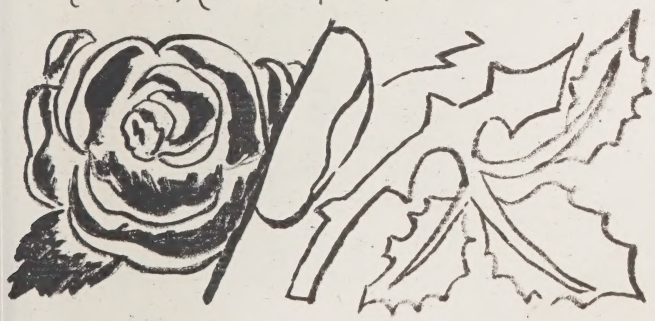
* *
*

Твой темный домъ, печальный домъ,
Но смерть, вѣдь, это ложь.
Настанетъ день — и ты цвѣтомъ
На землю изъ ямъ взойдешь.

Я буду гладить лепестки,
И въ темныхъ кладяхъ розъ
Узнаю шелкъ твоей руки
И аромата волосъ.

Я буду слушать пестрый хоръ
Веселыхъ воробьевъ,
И буду чувствовать твой взоръ,
Твой буду слышать зовъ.

Твой темный домъ, печальный домъ,
Но смерть, вѣдь, это — ложь.
Вѣдь, въ сердцѣ трепетномъ моемъ
Ты вся, ты вся живешь!



На Père Lachaise.

Дома изъ камня и желѣза,
Какъ и дома людей,—
Печальный городъ Перъ Лашеза,
Пристанище тѣней...

На старыхъ каменныхъ гробницахъ
Желѣзные вѣнки,
У статуй, на гранитныхъ лицахъ
Ослѣпшіе зрачки.

Когда, походкою усталой,
Сквозь мертвые холмы
Мы шли — то смерти обветшалой
Не чувствовали мы.

И были радостны лобзанья
Твоихъ воздушныхъ рукъ,
Когда моихъ безъ содроганья
Онѣ касались вдругъ.

Душа къ душѣ казалась ближе,
И тамъ безмѣрна тишь,
Какъ будто были мы въ Парижѣ,—
И былъ далекъ Парижъ...

Въ дому изъ камня и желѣза
Теперь одна ты спишь...
Печалѣхъ городъ Перъ Лашѣза,
Тоскливъ кругомъ Парижъ.

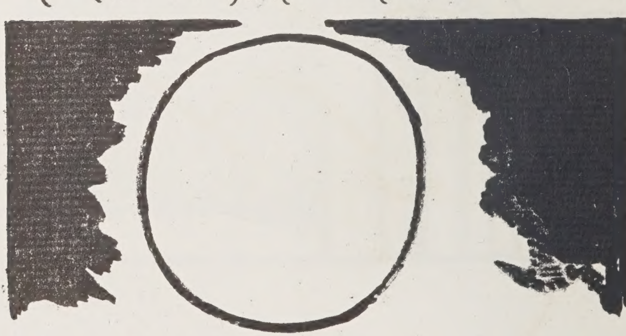
И я стучусь застывшимъ взглядомъ
Въ нѣмую глубину:
Войти туда, и лечь тамъ рядомъ,
И слушать тишину...

* *
*

Смерть близка и смерть страшна, какъ
вѣчность.
Умирать мнѣ такъ легко, любя...
Но страшна мнѣ смерти безконечность,
Если въ ней я не найду тебя...

Если въ ней я встрѣчусь съ грознымъ
Богомъ,
И языкъ мой станетъ снова нѣмъ...
Или то, что кажется немногимъ,
Будетъ тамъ, быть можетъ, лишь ничѣмъ.

Вмѣсто тихихъ ласкъ воспоминанья,
И надеждъ, и горя, и стыда,
Будетъ мракъ и темное сознанье,
Что тебя не будетъ никогда...

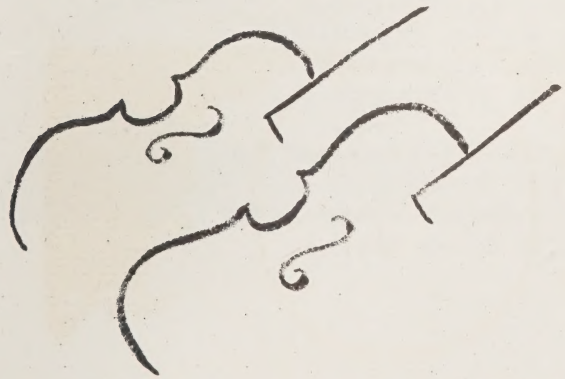


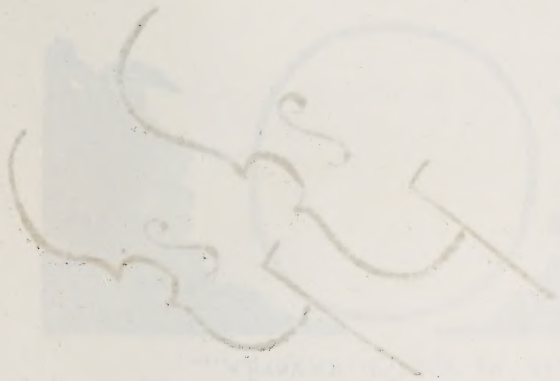
* *
*

Двѣ души — двѣ скрипки въ концертѣ —
Пѣли пѣснью любви вдвоемъ.
Въ ней не было ни слова о смерти,
Ни о томъ, что будетъ потомъ.

Что осталось? Клочки бумаги,
И на нихъ въ каждомъ словѣ — ты...
Но для слезъ больше нѣту влаги,
Чтобы ею смочить листы...

И какая новая сила
Возмутитъ души моей тишь,
Той души, гдѣ лишь ты царила,
Той души, гдѣ лишь ты царишь?..





* * *

* *
*

Братъ, слова жестокія
Не кидай безъ нужды.
Всѣ мы—одинокіе,
Всѣ другъ другу чужды.

Что то невозвратное
Утеряли люди.
Ищутъ непонятное,
Думаютъ о чудѣ.

Гдѣ то Богъ мерещится...
Тихо спитъ сознанье,
И въ сердцахъ трепещется
Робкое мечтанье.

Сумерки холодныя
Нашу жизнь скрываютъ,
И слова безплодныя
Насъ не утѣшаютъ.

Въ сѣромъ одиночествѣ
Холодно и жутко,
И въ чужомъ пророчествѣ
Чудится намъ шутка.

Погоди, поднимется
Солнце надъ землею,
Съ братомъ братъ обнимется
И сестра съ сестрою.

Сблизятся далекіе,
Слюбятся чужіе,
Были—одинокіе,
Станутъ всѣ—родные.

SPECIAL 88-B
3340
THE GETTY CENTER
LIBRARY

ALEXANDRE ARCHIPENKO

PARIS
1920